

Длинные ноги появились в ночной темноте, но их обладатель слегка замешкался, застыв на месте. Зелёные глаза не отрываясь смотрели на них, пальцы ног неловко шевельнулись, и он сам провёл по ним рукой, словно пытаясь убедиться, что они действительно принадлежат ему.

Когда же его пальцы коснулись настоящей плоти, в глубине зрачков мелькнуло изумление:

— И правда стали человеческими ногами.

— Да, правда стали. — Сюй Юань улыбнулся, глядя на его едва сдерживаемое любопытство, развернул свёрток с одеждой и сказал: — Протяни руки.

— Мм? — Эймерд приподнял тон в вопросе, но всё же послушно натянул на себя то, что люди называют одеждой, и опустил взгляд на того, кто застёгивал ему пуговицы. Плечи его слегка дёрнулись.

— Неудобно? — Сюй Юань поднял глаза, заметив его скованность.

— Какое-то странное ощущение, — ответил Эймерд, не привыкший к прикосновению ткани к коже — словно его со всех сторон опутали невидимыми путами.

— Представь, что это вода облегает твоё тело, — чуть подумав, улыбнулся Сюй Юань.

— И я могу в любой момент сорвать это с себя? — спросил Эймерд, уловив в его словах интонации, какими утешают ребёнка.

— Если будешь у себя дома и без посторонних — можно, — ответил Сюй Юань, заканчивая застёгивать пуговицы и поправляя воротник у его плеч, высвобождая пряди волос, заправленные внутрь.

— Угу, — тихо отозвался Эймерд, но всё его внимание было приковано к движениям и выражению лица Сюй Юаня. Он смотрел на того, кто приблизился, чтобы поправить его одежду, и в его взгляде что-то дрогнуло. Когда собеседник уже собрался отступить, он, следуя зову сердца, приник к его губам, о которых успел стосковаться.

Мягкость их губ соприкоснулась, и в это мгновение беспокойная душа словно обрела наконец покой.

Короткий поцелуй прервался. Сюй Юань посмотрел на русала, который сам проявил инициативу, и, заметив в его зелёных глазах счастливый блеск, снова слегка коснулся его губ, после чего выпрямился:

— Теперь нужно надеть штаны.

— Мм, — отозвался Эймерд, глядя на удаляющегося человека, а сердце его бешено колотилось в груди.

Те же самые губы соприкасались, но когда он сам целовал Брэнда и когда Брэнд целовал его — ощущения были совершенно разными. Второе заставляло его врасплох и заставляло сердце биться быстрее.

Русал задумался, шагнул в штанину и слегка нахмурился:

— А нельзя надеть ту одежду, что не разделяется посередине?

Сюй Юань на мгновение представил описанную им вещь и улыбнулся:

— Можно, но под низ всё равно придётся надевать штаны.

— Почему? — удивился русал.

— Чтобы никто не увидел лишнего, когда ты поднимаешь ногу или забираешься на возвышение, — пояснил Сюй Юань, помогая ему застегнуть ремень.

— Но я видел, что многие люди женского пола... женщины носят такие, — сказал Эймерд, опираясь на его руку, чтобы подняться, и опуская взгляд под ноги.

— Они тоже носят штаны, — улыбнулся Сюй Юань, заметив его новое изумление.

— Какие же вы, люди, сложные, — Эймерд чуть вздохнул, глядя на застёгнутый на поясе ремень.

Сюй Юань усмехнулся, закончив с ремнём, отступил на шаг и окинул взглядом стройного юношу, который даже в простой одежде выглядел изящно и статью. Когда тот слегка шевельнул локтями, пытаясь сделать шаг, Сюй Юань накинул на него последнюю вещь — плащ с капюшоном.

Эймерд изумлённо вскинул брови:

— Ещё?!

— Последнее, — рассмеялся Сюй Юань, глядя на его слегка расстроенные глаза. Он прекрасно понимал, почему русалам не нравится одежда: она сковывает движения, намокает и становится невыносимо тяжёлой, и даже русалу было бы трудно плавать в таком виде. — Это чтобы скрыть твою внешность.

— Ладно, — вспомнив, как люди всегда обсуждали внешность Карол, стоило ей выйти на берег, Эймерд запахнул плащ и смирился.

В тех разговорах хватало и похвал, но звучали и завистливые, и пренебрежительные слова. Даже Брэнда не всегда хвалили.

Сюй Юань завязал застёжки плаща, убрал длинные водорослевые волосы юноши в хвост с помощью ленты и, натягивая капюшон, слегка задержал пальцы.

Несколько рыжих прядей выбились из-под капюшона. Зелёные глаза в тени казались тёмными, но влажно поблёскивали, а чуть приподнятые уголки губ напоминали того юношу, что сто лет назад свободно бродил по ветру.

Та же душа, похожие черты, тот же беззаботный нрав, хотя он и не до конца постиг мир людей.

Даже если Сюй Юань давно не вспоминал о том времени, в этот миг сходство было разительным.

Он чуть ниже надвинул капюшон. Русал недовольно дёрнул край, заслонявший свет, и вновь показал взгляд, полный беззаботности и раздумья, — и призрачное сходство будто растаяло.

Похожие лица, но разная судьба и жизненный опыт. Они были совершенно разными людьми.

— Как долго это нужно носить? — спросил Эймерд, приподнимая капюшон.

— Пока тебя не перестанут обманывать с лёгкостью, — улыбнулся Сюй Юань, глядя на чуть прищуренные глаза юноши. — Ты знаешь лишь малую толику. У людей тысячи способов обвести вокруг пальца.

— Что ж, вы, люди, друг с другом тоже не слишком-то любезны, — Эймерд снял капюшон и скрестил руки на груди.

— Люди следуют выгоде, и столкновений не избежать, — ответил Сюй Юань, коснувшись его щеки. — Прежде всего, не говори «вы, люди» — с первого же слова выдашь себя.

— Понял, — тихо отозвался Эймерд, глядя на удаляющегося собеседника, и задумался о законах человеческого общества.

Там наверняка и опасно, и захватывающе.

Ему нужно быть постоянно начеку, чтобы не угодить в чью-нибудь ловушку.

Сюй Юань отступил, поднял с земли свёрток и тихо позвал девушку, всё это время безмолвно стоявшую за скалой:

— Карол, иди сюда.

— Хорошо, — отозвался голос, сопровождаемый шорохом осыпающихся камней.

— Нам тоже пора уходить... — Сюй Юань обернулся к юноше, но увидел, как тот, напрягшись, подпрыгнул вперёд.

Камни хрустнули, шум волн не утихал, а юноша смотрел себе под ноги с недоумением и неверием. Он попытался пошевелить одной ногой, затем поднял взгляд и, прищурившись, сверкнул глазами:

— Не смейся!

— Я не смеюсь, — Сюй Юань сжал губы, сдерживая улыбку.

— А глаза твои смеются, — зорко заметил русал.

— Сначала левая, потом правая, — Сюй Юань, услышав лёгкие шаги из-за скалы, приблизился и тихо добавил с усмешкой: — Если трудно управляться, просто повторяй про себя «левая-правая»... Карол сейчас подойдёт.

Эймерд обдумывал первые слова, но последние заставили его немедленно начать твердить про себя эти два слова. Левая. Правая.

Человеческая ходьба не может быть сложнее плавания. Карол же сразу после выхода на берег могла ходить, а через три дня уже танцевала.

Великий владыка океана непременно должен научиться этому.

Когда Сюй Юань отошёл, русалочья принцесса, всё это время терпеливо ждавшая, подошла лёгкой походкой.

Ночь уже наступила, но луна заливала светом всё вокруг. Человеческому глазу эта обстановка могла показаться неясной, но для русалов препятствий не было. Они многие годы жили на дне моря, и даже на мелководье солнечный свет не всегда проникал до них; на суше же малейшего сияния было достаточно, чтобы ночной мир стал для них кристально ясным.

Приближающаяся русалочья принцесса была одета в простое платье, но ткань его красиво

переливалась при лунном свете. Покрывало скрывало волосы и часть лица. Она была не так щедро украшена золотом, как при дворе человеческого принца, но это нисколько не умаляло её изящного стана и выразительных, словно умеющих говорить глаз.

Она слегка коснулась покрывала и подошла — нитка жемчуга на запястье добавляла её скромному наряду искорку живости и кокетства.

— Господин Брэнд, господин Эймерд, — остановилась Карол, глядя на них. Даже сквозь вуаль её голос звучал подобно туману и струящемуся песку — чарующе и нежно.

— Нигде не жмёт? — спросил Сюй Юань. — Я покупал на глаз, примерно представляя твою фигуру.

— Нет, всё впору, — тихо ответила Карол, глядя на него. — Большое спасибо за одежду.

На ней не было лёгких покрывал, но было удобно, одежда скрывала тело почти целиком, оставаясь лёгкой. А нитка жемчуга на руке, казавшаяся маленькой неожиданной радостью, хранила в себе тепло и внимательность господина Брэнда.

Словно её сёстры и бабушка — такие же нежные.

— Ты попрощалась с родными перед уходом? — спросил Сюй Юань, глядя на её тонкую, но горделиво стоящую фигуру.

— Да, — в глазах Карол мелькнула лёгкая грусть, но она быстро её подавила. — Они знают, что в ближайшие годы я буду служить вам.

Её возвращение в море обрадовало бабушку и сестёр. Старая бабушка с нежностью прижала её к себе, ни словом не упрекнув за прежний уход и за то, во что она себя превратила.

Она лишь расспрашивала о пережитых страданиях, полная любви и жалости.

Они были самым тёплым, что есть в море, и ни за что не позволили бы ей страдать снова.

Но ей всё же пришлось уйти — из-за долга, который она взяла на себя.

Вторая разлука была тяжёлой для них, но, услышав о том, что случилось, и о продлённой на сто лет жизни, они отпустили её.

В её синих глазах ещё таились печаль и тоска, но, подняв их, она с надеждой спросила:

— Господин Брэнд, можно ли мне, служа вам сто лет, иногда возвращаться в море?

Возможность приходить и уходить с суши была неожиданной радостью и смягчала горечь разлуки:

— Я буду возвращаться нечасто.

Она хотела изредка навещать их, чтобы они не тревожились.

— Конечно. Как только выполнишь порученную работу — можешь уходить на время, — ответил Сюй Юань и увидел, как засияли её синие глаза.

— Благодарю вас, — она выглядела бесконечно благодарной и взволнованной.

— Кроме родных, есть что-то, что тебя держит? — тихо спросил Сюй Юань.

Девушка, стоявшая неподвижно, замерла, в глазах её промелькнуло колебание.

— Не стесняйся. Если уйдёшь отсюда, то, возможно, не вернёшься сюда надолго, — мягко сказал Сюй Юань.

Русалочка посмотрела в его полные нежности глаза, перевела дух и, с трудом сдерживая боль, которую пыталась забыть, спросила:

— Скажите, у людей правда не бывает вечной любви?

Если вечности нет, то и бессмертная душа, возможно, лишь обман.

Она знала, что, вероятно, уже никогда этого не обретёт, но если этого вовсе не существует — это совсем иное отчаяние.

— Бывает, но крайне редко, — ответил Сюй Юань.

Взгляд Карол упал на них двоих: человека и русала. Они были разных видов, оба мужского пола, но между ними возникла близость, далеко превосходящая всё, что она могла вообразить, — даже любовь. Эта сцена и этот ответ зажгли в её почти угасшем сердце слабый луч надежды.

— Хочешь ещё куда-нибудь пойти? — спросил Сюй Юань.

Карол тихо вздохнула, пытаясь унять боль в груди, которая, казалось, никогда не проходила, и проговорила:

— Я хочу взглянуть на ту женщину из храма.

Она спасла Бернара. Да, спасла — пусть Карол вынесла его из воды, но именно та женщина заметила его и привела в чувство.

Спасение, возможно, не так важно, но Карол хотела увидеть ту, которую Бернар так и не смог забыть и так горячо любил.

Она принадлежала храму и не появлялась в миру; может быть, там она найдёт ответы.

— Можно? — Карол подняла взгляд.

Сюй Юань, заметив в её глазах искру надежды, улыбнулся:

— Конечно. Пойдём сначала домой.

— Да, — облегчённо выдохнула Карол, но тут же вновь напряглась. Догоняя их, она заметила, как он взял русала за руку.

Движение было таким естественным и нежным, что русал на мгновение замер, но затем, с радостным и близким чувством, последовал за ним.

Эта интимность мгновенно напомнила Карол о том, как она сама вышла на берег: Бернар точно так же взял её за руку и повёл в величественный дворец.

Его рука была тёплой, нрав — мягким, а взгляд, которым он смотрел на неё, был полон восхищения и радости. Но в отличие от господина Брэнда, который, лишь взглянув на Эймерда, уже сиял естественной нежностью и счастьем, в Бернаре было что-то иное.

Чувства были похожи, но между ними пролегла тончайшая грань, которую могла заметить лишь та, кто пережила подобное.

— Господин Эймерд, у вас нога и рука двигаются в одну сторону, попробуйте иначе, — Сюй Юань, держа русала за руку, чувствуя его неуклюжую походку, почти беззвучно подсказал.

Эймерд покосился на него, на мгновение задержался, сделал шаг заново и, заметив, что опять двигается в такт, взглянул на искрящийся смех в глазах спутника и сжал его руку крепче. Но улыбка на губах того стала только шире.

Какой же невыносимый человек. Как он вообще успел в него влюбиться?!

Эймерд сбился, переставляя ноги, выровнял шаг и всё гадал над этим вопросом.

Когда они вышли с пустынного берега и углубились в лес, тьма сгустилась. Хотя луна заливала всё вокруг, звёзд на небе было великое множество, и весь небосвод словно нависал над головой, невероятно близкий и яркий.

Человеку такой пейзаж привычен, Карол тоже видала его не раз, но для Эймерда он был диковинкой.

Идти по земле, ощущая под ногами траву и камни, слышать запах листвы и свежей зелени, чувствовать, как ветки скользят по плечам, а листья касаются щеки — прохладно и нежно...

Иной мир, нежели подводный, идти сквозь него — непривычное наслаждение.

Сюй Юань, держа за руку спутника и глядя на его любопытный взгляд, раздвинул ветви и почувствовал, что привычный пейзаж вдруг заиграл новыми красками.

А когда они выбрались из заросшего травой леса и на равнине вдали замерцали тёплые огни, Сюй Юань почувствовал, как пальцы в его руке слегка сжались.

Там — место, где живут люди. И ни один русал не войдёт в этот мир без трепета.

Сюй Юань крепче сжал его пальцы, обернулся к русалочьей принцессе, молча следовавшей за ними, и предупредил:

— Когда войдём, не снимай покрывала. Что бы тебе ни говорили и что бы ни делали — не обращай внимания.

Карол с недоумением подняла на него глаза, но, поправив покрывало, которое задевали ветки, кивнула:

— Хорошо, господин Брэнд.

— Идём, — Сюй Юань отвёл взгляд, спрятал сцепленные руки под плащом и по тропинке направился к прибрежному городку.

Эймерд опустил взгляд на их переплетённые пальцы, перевёл взгляд на лицо спутника, всё ещё мягкое, но вдруг скрытое за непроницаемой пеленой, и шагнул за ним.

Что же это за мир — человеческий?

У моря ветер хотя и пах солью и водорослями, но был свеж, однако стоило ступить в городок, как в ноздри ударил странный, затхлый запах.

Ровные, но тёмные здания выстроились по обе стороны ухабистой дороги. Они казались ниже и беднее королевского дворца. На улицах было безлюдно, лишь кое-где из открытых дверей пробивался свет, остальные же дома стояли плотно закрытыми или вовсе тёмными.

Впрочем, прохожие попадались. Но вместе с ними из дверей выплывал резкий запах: люди, валяющиеся на улицах, пьяные до беспамятства в кабаках, компании с кувшинами, шатающиеся и горланящие, — от всех разило этим духом.

Эймерд повёл носом, уловив знакомый запах, что часто доносился с больших кораблей, и нахмурился, глядя на пьяниц.

Но это было ещё не самое худшее.

— Пей! Сегодня не уйдём, пока не допьёмся!..

— Ах ты, маленькая шлюшка, какая же ты красивая...

— Стой, куда же ты!

Даже не в тёмных переулках — прямо у кабака пьяные без стеснения тискали и целовали девиц, а вокруг раздавались одобрителные возгласы и свист.

И не в одном месте. Ночь и хмель развязывали людям руки, выпуская наружу самые низменные инстинкты.

— О, да откуда же такая красotka?..

Когда пьяный запах ударил в лицо, Сюй Юань обернулся к русалочке, в глазах которой застыло потрясение:

— Карол, стань между нами, впереди.

— Да, — Карол подняла взгляд, поспешно обходя пьяницу, зажала рот и нос за покрывалом и быстро встала между ними двумя.

Две высокие фигуры в ночи излучали отнюдь не миролюбие. Пьяница проводил взглядом

девушку, зевнул, отвернулся и пробормотал себе под нос нечто малопрстойное:

— Всё одно не на тебя...

Карол сжала ладони и опустила взгляд. Эймерд же посмотрел на шатающегося с кувшином мужчину и холодно спросил:

— И мы его так отпустим?

— А что ты хочешь сделать? — Суй Юань сжал его руку, которую юноша стиснул до побелевших костяшек, и с улыбкой взглянул в недовольные зелёные глаза.

— Размазать его о скалы, — тихо, но с нажимом сказал Эймерд.

Будь он в море, он бы не задумываясь проучил этого типа. Но сейчас, на суше, он понятия не имел, насколько здесь опасно, и мог лишь злиться впустую.

— Да будет по-твоему, — Суй Юань улыбнулся и потянул его за собой.

— Мм? — Эймерд удивлённо вскинул брови. Но тут при свете свечи что-то блеснуло, упало к ногам того мужчины, и его пошатывающиеся ноги мгновенно поскользнулись — он рухнул лицом вперёд.

— А-а-а-а!!! — вопль разнёсся в ночи, вызывая хохот окружающих.

— Чёрт! Что за дрянь! Я тебя найду! — он поднялся с земли, кувшин разбился, губы были разбиты в кровь, и он колотил кулаками по земле под хохот толпы, пытаясь выместить злость.

А предмет, отлетевший от его ноги, оказался маленькой круглой жемчужиной.

— Боже! — Карол обернулась на крик и тихо ахнула.

Но взгляд Эймерда был прикован к лицу его спутника, который, сохраняя беззаботную улыбку, смотрел на происходящее. Зрелище, безусловно, радовало русалье сердце, но нельзя было отрицать, что этот человек умеет творить пакости с улыбкой на лице.

Самый хитрый из людей — вот кого он держал за руку.

— Карол, налево, — сказал Суй Юань, проходя мимо переулка.

Русалочка остановилась, глядя на тёмный безмолвный проход, оглянулась на свет, оставшийся позади, и шагнула вперёд.

Шаги затихли у двери. Сюй Юань, чувствуя на себе два любопытных взгляда, отворил дверь, и ему показалось, что он открывает не дверь жилища, а вход в сокровищницу.

Дверь распахнулась — внутри было черно, почти без единого луча, даже русалам приходилось напрягать зрение.

Но огонёк трута вспыхнул на свече, несколько языков пламени взметнулись, озаряя прежде тёмный холодный дом и выхватывая из мрака довольно пустую комнату.

— Эта комната больше твоей прежней, — оглядываясь, сказал Эймерд. — Это твой дом здесь?

Впрочем, по сравнению с королевским дворцом Брэнд был весьма беден.

— Это временное жильё, просто чтобы было где остановиться, — Сюй Юань закрыл дверь, когда оба русала вошли один за другим, и, видя их изучающие взгляды, улыбнулся: — На ужин рыба — пойдёт?

— Могу ли я чем-нибудь помочь? — повернулась к нему Карол.

Человеческая еда отличалась от морской, и она не знала, как здесь что делается.

— Разделай рыбу, выпотроши, — сказал Сюй Юань, опуская корзину с рыбой, и улыбнулся неподвижно стоящей девушке. — Как войдёшь в дом, можешь снять покрывало.

— Хорошо, — Карол почувствовала облегчение, получив задание. Она сняла вуаль, аккуратно сложила её, как слуги во дворце, закатала рукава, чтобы не запачкать их, и взяла корзину.

— Вода здесь, — Сюй Юань провёл её к ведру, присел на корточки, тоже закатал рукава, достал нож и вынул из корзины рыбу, обмякшую от нехватки воды. — Первое, что нужно сделать, — удалить жилу, иначе останется запах тины.

— Хорошо, — Карол внимательно наблюдала.

Но когда этот мягкий человек ловко надрезал рыбу у хвоста и жабр и одним движением вытянул внутреннюю жилку, оба русала — и прилежная ученица, и любопытный зритель — машинально отодвинулись от него подальше.